Текст · 29 июня 2022, 08:10
Уэнделл Стивенсон,

«Ошибаться было нельзя. Мы же не молокозавод». Как работники и невольные гости Чернобыльской АЭС месяц жили под российской оккупацией

Авария на Чернобыльской АЭС стала главной техногенной трагедией XX века. Сегодня над ЧАЭС возведены защитные конструкции, а за состоянием разрушенного реактора следит огромный персонал. В начале российского вторжения в Украину Чернобыль был занят российскими войсками, и у сотрудников станции началась бесконечная рабочая смена. «Медиазона» публикует перевод материала журнала *Economist* о том, что произошло с Чернобылем за 38 дней российской оккупации.

---

22 февраля четверо друзей, всем чуть больше двадцати, проникли в чернобыльскую зону отчуждения. Они планировали заняться хайлайнингом: натянуть на головокружительной высоте тросы и ходить по ним — ради забавы и славы в соцсетях. Друзья были опытные, они уже пробирались в запретную зону раньше. Вечером 23 февраля они легли спать на пятнадцатом этаже одного из домов в городе Припять, заброшенном со времен аварии на реакторе АЭС в 1986 году, и встали спозаранку, чтобы крепить тросы между двумя самыми высокими в округе зданиями.

Изоляционное сооружение над взорвавшимся реактором на Чернобыльской АЭС, 16 апреля 2022 года. Фото: Efrem Lukatsky / AP

Первые взрывы друзья услышали около пяти утра. Над их головами дугой проносились ракеты, едва различимые силуэты истребителей сновали в еще темном небе. Они сразу поняли, что нужно выбираться. Добравшись до первого КПП на въезде в Припять, они успели заметить лишь свет фар уезжающей машины. На втором КПП не было никого из полиции зоны, только гражданские охранники, которые не совсем понимали, что происходит. На рассвете прозвучала воздушная тревога, и охранники велели друзьям укрыться в главном административном здании.

В восемь утра начальник смены на Чернобыльской АЭС Валентин Гейко объявил тревогу. Он начал обзванивать подчиненных с новостями об обстрелах украинской территории и появлении российских самолетов в небе над Чернобылем. Антон Кутенко, отвечавший на АЭС за хранение радиоактивных отходов, позвонил жене, которая была дома с двумя маленькими сыновьями. «Когда ты придешь домой?» — спросила она. «Не знаю», — ответил Антон.

Ночная смена должна была закончиться в девять утра, и утренний поезд увез бы персонал в город Славутич, где живут сотрудники АЭС. По стечению географических и исторических обстоятельств железная дорога частично проходит по территории Беларуси, откуда Россия и начала

вторжение, хотя поезд там и не останавливается. Вскоре после объявления тревоги стало известно, что часть путей разрушена, а мост через реку Припять взорван. Пересменку отменили. На АЭС остались 103 сотрудника, и никто из них не мог попасть домой.

Вскоре у входа в здание администрации появились четверо хайлайнеров с камерами *GoPro,* складными ножами и дроном. Они сказали, что были в походе, и просили их эвакуировать. Валерий Семенов, начальник службы безопасности АЭС, поверил им, но сказал полушутя, что они смахивают на диверсантов. Он понимал, что никаких шансов выбраться у них попросту не было. Уже поступали сообщения о российских танках к югу от станции. Семенов решил запереть четверку в подвале.

Весь день выли сирены воздушной тревоги. Большинству сотрудников приказали укрыться в бункере под главным зданием АЭС. Кутенко вдвоем с коллегой остался следить за камерами видеонаблюдения и датчиками температуры, влажности и давления в системах защитного конфайнмента станции.

В 16:15 начальник службы безопасности Семенов заметил на одном из своих 25 мониторов размытое пятно, которое с большой скоростью двигалось от границы с Беларусью. «По форме и количеству пыли на дороге я понял, что это военная техника», — рассказывает Семенов. Далее последовала еще одна непонятная фигура, а после показались уже четкие очертания трех бронетранспортеров и колонны грузовиков. На другом экране Семенов увидел, как люди в черной форме высаживаются на блокпосту.

Видео на YouTube

YouTube

Начало войны. Орки передвигаются по территории Зоны Отчуждения

@Dennis Yadov

https://youtu.be/9KR4ag7WJcc

Через три минуты российские солдаты уже были у ворот: их техника, в том числе один танк, остановилась у входа в главное здание. Увидев на камерах видеонаблюдения, как девять человек прорываются через главную проходную, Семенов набрал Гейко. «Да, я их вижу через окно, — ответил Гейко. — Они в меня целятся».

***

Чернобыль — символ чудовищной ошибки. Он же — символ отваги, самопожертвования и упорства. Сотрудники АЭС гордятся своей работой и очень привязаны к этому странному и страшному месту. Они хранят память о трагедии и унесенных аварией жизнях и знают, что это место может обновляться и жить дальше. Радиация вытеснила отсюда людей, и

чернобыльская зона стала своеобразным эдемом, где природа исцеляется: в лесу полно медведей, лосей и волков, а опустевший город захвачен деревьями.

Взрыв на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС произошел 26 апреля 1986 года. Это была самая страшная ядерная авария в истории человечества как по количеству смертей, так и по стоимости ликвидации последствий. Из-за взрыва активная зона реактора расплавилась, прожгла корпус реактора и превратилась в стеклообразную «лаву». Более 130 пожарных и инженеров были госпитализированы с острой лучевой болезнью, 30 из них скончались. Взорвавшийся реактор и его аварийный энергоблок накрыли бетонным саркофагом весом около 30 тысяч тонн. Зона отчуждения вокруг него радиусом в 30 километров — наполовину в Украине, наполовину в Беларуси — одно из самых загрязненных радиацией мест на Земле. Радиационные осадки вызывали рак и наследственные изменения у местных жителей. Уровень радиации в зоне отчуждения колеблется вокруг 10 тысяч нанозивертов в час, притом что нормальный фон в Украине — до 300 нанозивертов в час.

В первые месяцы после взрыва тысячи инженеров и рабочих приезжали со всего СССР, чтобы принять участие в ликвидации последствий аварии. Ликвидаторы стали национальными героями. Припять была непригодна для жизни, поэтому для сотрудников станции построили новый город — Славутич. При взрыве пострадал только один реактор, и Чернобыльская АЭС продолжала функционировать до 2000 года, когда ее окончательно вывели из эксплуатации.

Славутич — милый городок между Днепром и границей с Беларусью, окруженный сосновым лесом. Его строительством занимались несколько республик СССР: в проектировке разных районов города принимали участие архитекторы из Армении, Эстонии, Грузии, Литвы, Узбекистана, России и Украины.

Ликвидация последствий аварии продолжается до сих пор. Сейчас на самой АЭС работают около 2 600 человек (инженеры, медики, охранники и повара), и еще до 6 тысяч заняты в лабораториях, офисах, отелях и магазинах. В зоне отчуждения две пожарные части — для тушения лесных пожаров и на случай ЧП на электростанции. До пандемии сюда ежегодно приезжали свыше 100 тысяч туристов. По словам одного гида, в зависимости от уровня радиации в Припяти можно спокойно провести от одного до пяти дней без риска для здоровья.

Чернобыль, 26 апреля 2022 года. Фото: Francisco Seco / AP

«Здесь пересекаются прошлое, настоящее и будущее, — говорит биолог Катерина Шаванова, которая занималась исследованиями в Чернобыле на протяжении последних десяти лет. — Есть статуя Ленина, есть советского еще периода общежития, в которых мы останавливаемся… А рядом новейшая арочная конструкция, которая защищает реактор, по-настоящему передовая технология».

***

За неделю до вторжения России в Украину число военных в Чернобыле удвоили — до 170 с лишним человек. Когда российские войска зашли на территорию, украинцы построились, чтобы сдать оружие. Начались переговоры. Со стороны России были генерал и полковник, а Украину представляли Гейко, Семенов и двое армейских чинов. Семенов заметил, что у российского генерала подергивалась щека, скорее всего от напряжения.

Валентин Гейко. Фото: snriu.gov.ua

Гейко объяснял, что ЧАЭС — в своем роде уникальный по опасности объект из-за присутствия

множественных источников радиации как на самой станции, так и вокруг нее. Он настаивал, что контроль за объектом должен остаться у него и его коллег. Переговоры длились почти три часа, и все это время Семенов слышал лязг траков военной колонны, направлявшейся на юг, в сторону Киева.

Украинцы понимали, что бои на территории станции могут обернуться катастрофой — может быть повреждено оборудование, ключевые специалисты могут получить ранения. При этом они понимали, что теперь находятся глубоко в тылу врага. Шансов на то, что украинская армия освободит их, не было.

Семенов предложил дать российским солдатам доступ к зданию администрации и еще паре участков. «Мы хотели оградить от них АЭС настолько, насколько это было возможно», — говорит он. В первую очередь он пытался не допустить военных до зданий, откуда ведется обслуживание вышедших из строя реакторов. «Это кабина управления, — объясняет начальник службы безопасности. — Террористов туда лучше не пускать».

Гейко и Семенов утомили россиян описаниями протоколов безопасности, непредвиденных обстоятельств и непоправимых последствий в случае неправильной эксплуатации станции. Они убедили их, что невозможно обеспечивать безопасность ЧАЭС, если в технических помещениях расхаживают люди с оружием. «Мы добились своего на переговорах — они стали жить с нами по нашим правилам», — рассказывает Семенов. Администрация выписала российским военным 170 пропусков, но только 15 россиян имели доступ к местам хранения

ядерных отходов. Солдаты ложились на пол прямо в коридорах, и их было так много, что Семенову приходилось через них переступать, чтобы добраться до уборной.

И тут Семенов вспомнил о хайлайнерах в подвале. Он побежал вниз, отпер дверь, за которой сидели четверо друзей, и объявил: «У нас смена режима. Россияне захватили станцию».

***

Валерий Семенов — энергичный разговорчивый мужчина под пятьдесят с гибким телосложением, худым лицом и широкой улыбкой. Он родился неподалеку от Саратова: «Не говорю "в России", потому что тогда это был СССР». Город жил бедно, Семенов помнит «пустые полки магазинов, три граната да говяжьи кости без мяса». Когда ему было 13, его родители переехали в Славутич работать ликвидаторами. В 18 лет будущий глава службы безопасности ЧАЭС пошел по их стопам и устроился на работу в отдел по сбору радиоактивных отходов. Тогда его начальником был Валентин Гейко, с которым почти 30 лет спустя ему придется управлять Чернобыльской АЭС под российской оккупацией. Семенов работает в Чернобыле всю жизнь: у него два диплома о высшем образовании, физика и инженерное дело, и за время службы он успел поработать во всех отделах АЭС — и в хранилище топлива, и на контроле отходов, и в службе мониторинга радиации и, наконец, в службе безопасности.

С Семеновым мы встретились в Славутиче через четыре дня после его возвращения из Чернобыля. Он считает, что вся жизнь с самого детства готовила его к управлению станцией под оккупацией. Семенов выглядел изможденным, но все говорил и не мог остановиться. В какой-то момент он схватил ручку и листок бумаги, чтобы нарисовать схему станции: «Вот тут было административное здание, ну, мое здание — нет, название своего здания я сказать не могу, это секретно — оно вот тут было». Периодически он вскакивал, начинал активно жестикулировать и показывать руками расстояния на станции.

Наши беседы с Семеновым растянулись на несколько апрельских дней. В это же время его опрашивали украинские спецслужбы. «Ну, некоторые вещи с вами приходится фильтровать, — подмигивает он. — Это все же вопросы национальной безопасности».

***

В первые дни оккупации российские солдаты пытались открывать своими пропусками все двери и ворота, которые попадались им на пути. Семенов говорил им: «Если охота поглазеть — вот фотографии на стенах. А если хотите радиоактивных отходов, я вам хоть в карман отсыплю!».

На территории и вокруг АЭС находились 400–500 российских солдат: пехота, в основном из Бурятии, омоновцы и росгвардейцы, которые, казалось бы, не должны задействоваться в операциях за рубежом. Ни у кого из оказавшихся здесь россиян на форме не было ни опознавательных знаков, ни погон.

На самой АЭС солдаты вели себя сдержанно, а вот в лабораториях и административных зданиях занимались вандализмом и грабежами. Они забрали экскаваторы, оборудование для лесозаготовки, специальный транспорт для перемещения ядерных отходов и вообще всякую технику, какую только нашли. Все кабинеты и лаборатории обыскивали и оставляли за собой бардак, украли камеры, проекторы, ноутбуки и серверы. Забрали электрические чайники и будильники из комнат в общежитиях, столовые приборы из кухонь. Оккупанты к тому же вырыли траншеи вокруг Рыжего леса — крайне загрязненного района, где после взрыва осело больше всего радиоактивной пыли.

В апреле руководитель «Энергоатома» Украины Петр Котин посетил один из участков Рыжего леса, где российские военные копали траншеи. По данным госпредприятия, в этом месте зафиксированы аномально высокие показатели радиационного состояния, в том числе по наиболее опасному для здоровья альфа-излучению. В «Энергоатоме» уверены, что теперь солдат «ожидает лучевая болезнь разных степеней тяжести».

На ЧАЭС побывали чиновники из «Росатома». У Семенова сложилось впечатление, что по статусу они были выше генералов, с которыми велись переговоры. Он пару раз видел, как они выносили со станции какие-то коробки. «Понятия не имею, что они делали, — усмехается начальник службы безопасности. — Думаю, искали эти свои лаборатории с американским биологическим оружием».

Сотрудник ЧАЭС Антон Кутенко, коротко стриженный бородатый мужчина за тридцать с широким красивым лицом, говорит, что персонал готовили к пожарам, наводнениям, землетрясениям, утечкам радиации — но не к вторжению.

Члены пожарно-спасательного отряда в День памяти о катастрофе на Чернобыльской АЭС 1986 года, 26 апреля 2022 года. Фото: Francisco Seco / AP

Очевидно, российские войска получили приказ не трогать персонал электростанции. Украинцы в основном старались избегать россиян, но периодически спрашивали: «Что вы здесь делаете? Что вы тут забыли? Почему вы просто домой не пойдете!». В ответ солдаты обычно бубнили что-то невнятное и уходили. Иногда говорили, что пришли освобождать Украину от нацистов или что просто исполняют приказ.

Семенов предупреждал своих подчиненных, чтобы те избегали конфронтаций и даже не фотографировали ничего на телефоны: «Мне нужно было, чтобы все было спокойно и стабильно. Я не хотел

их провоцировать. Было очень важно сохранить их доверие». Своей главной задачей он видел «поддержание баланса между безопасностью станции и сотрудников». Семенов понимал, что все вокруг без исключения были злы на оккупантов: «Были тяжелые моменты… Люди — украинцы — готовы были на все».

Российские военные думали, что их «спецоперация» быстро закончится. Запасов продовольствия у них было мало, кто-то из солдат даже признался, что взял с собой только один комплект формы — думал, что едет на учения. Семенова спрашивали, где можно купить сигареты: «Они говорили, мол, почему тут магазинов нет нигде? А я отвечал: это же запретная зона! Они вообще не понимали, где находятся».

Украинцы преувеличивали угрозу радиационной утечки, чтобы не дать российским военным установить полный контроль над станцией. Они советовали солдатам держаться подальше от «опасных зон». «Это был дерзкий план, — говорит Кутенко, — но он сработал». При этом сотрудники не останавливали россиян, когда те сами подвергали себя опасности. В первые дни войны колонны техники, которые ехали к Киеву, подняли много пыли, после чего бригада Кутенко заметила повышение уровня радиации. «Показатели были выше нормы, хотя и не катастрофические. Все было в пределах норм безопасности», — рассказал он. «Вы сказали об этом россиянам?» — спросила я. «Нет», — ответил он с улыбкой.

Семьи сотрудников ЧАЭС, оставшиеся в Славутиче, долго не могли связаться со своими близкими. Мобильная связь в Чернобыле была отключена (кем —

неясно), но сигнал можно было поймать, забравшись на крышу электростанции. Связь с внешним миром по большому счету ограничивалась стационарной телефонной линией с администрацией АЭС в Славутиче. Семенов говорит, что пытался передавать столько информации об оккупантах и их возможных планах, сколько мог. Он подслушивал обрывки разговоров военных, просил одного из сотрудников посчитать боевые машины. Оказалось, что со стационарного телефона в кабинете Кутенко можно было звонить на мобильные номера. Бойцы украинской Нацгвардии просили его связаться с их близкими. «У семей была разная реакция, — вспоминает Кутенко. — Кто-то не верил мне, когда я представлялся: задавали вопросы с подвохом или просили произнести украинское слово. Кто-то просто плакал. Кто-то благодарил».

Администрация станции в Славутиче предоставила семьям персонала стационарные телефоны, подключенные к линии АЭС. Жена Валерия Семенова Ольга звонила коротко, но каждый день. Она не хотела докучать ему своими переживаниями или рассказами о том, что не хватает продуктов. Скоро они отпразднуют 30-летнюю годовщину свадьбы. «Мы еще никогда не проводили столько времени порознь», — признался Семенов.

***

Каждый день приносил новые проблемы. Начальник службы безопасности стал главным переговорщиком с россиянами. Его открытость и юморной характер помогали сглаживать неловкие ситуации. «Гейко был головой, — говорит Семенов, — а я руками».

Порой казалось, что они на волосок от того, чтобы стать коллаборантами. Семенову было трудно одновременно учитывать заботы и украинцев, и россиян. Солдаты постоянно пытались проникнуть в зоны, где, по договоренности сторон, им было запрещено находиться. «Я должен был предугадывать перемены настроения, — вспоминает Семенов, — думать на шаг-два вперед. Но у меня очень философский взгляд на вещи. Я со всеми разговаривал. Не знаю, хорошо это или плохо».

Несколько раз Семенову приходилось вмешиваться в конфликтные ситуации. Однажды днем российские солдаты начали стрелять в воздух, видимо, пытались сбить дроны. В другой раз они организовали шоу для прессы: привезли коробки с гуманитарной помощью и стали раздавать ее перед телекамерами. Вот только украинцы от нее отказались. Семенов не сдержался и предложил журналистам «спросить у местных, хотели ли они, чтобы вы все такие благонамеренные пришли и спасли нас от радикалов».

Сотрудники спали в своих кабинетах. Семенову приходилось делить раскладушку и два спальника с пятью коллегами. «Спалось, конечно, совсем не так, как дома, — вспоминает Кутенко. — Я не знаю, это все стресс, или потому что мы спали на лавках и стульях, или из-за шума… Вентиляция была очень громкая, мониторы постоянно мигали и пищали».

Разгромленный кабинет в одном из административных зданий Чернобыльской АЭС, 16 апреля 2022 года. Фото: Efrem Lukatsky / AP

Каждый день кто-то из сотрудников ЧАЭС обращался в медпункт. Большинство жалоб было связано со стрессом: колики, запор, экзема, геморрой. Кутенко сказали, что у него слишком высокое давление, и он начал читать детективный роман, чтобы отвлечься (не помогло). Как и Семенов, он постоянно следил за физическим и психическим состоянием своих подчиненных. «Ситуация была очень серьезная, — говорит он. — Ошибаться было нельзя. Мы же не молокозавод».

Запасов еды на станции должно было хватить на несколько недель. Дважды в день сотрудники брели в столовую: там им давали борщ, мясо, гречку, капустный салат и творожную запеканку. Было все, кроме свежего хлеба. Через несколько дней один из трех поваров упал в обморок от переутомления. Четверо хайлайнеров, которых в день вторжения закрыли в подвале, стали помогать на кухне. «Я бы не сказал, что мы прямо готовили, — рассказывает Костя Карноза, беспечный парень двадцати с лишним лет,

который в свободное от хождения по тросам время работает в *IT*. — Мы просто резали овощи и мыли посуду».

Иногда, во время перекуров, они болтали с российскими солдатами, которые ели отдельно. «В первую очередь они спрашивали: "Где базы НАТО? Где бандеровцы, которые все заварили?"» — вспоминает Костя. Военные были уверены, что Киев возьмут за три дня. Когда наступление застопорилось, они стали заступаться за своих, дескать, Россия отважно сражается с грозной армией американцев, французских иностранных легионеров и преступников, которых президент Владимир Зеленский якобы освободил из тюрем. «Они спрашивали: "Почему украинские власти не сдаются? Им что, мир не нужен?"» — говорит Костя. При этом некоторые признавались, что понятия не имеют, почему они здесь оказались. Когда военные просматривали личные дела сотрудников, они очень удивлялись, что многие из них — дети ликвидаторов — родились в России.

Невежество и лицемерие россиян казались хайлайнерам — программистам и предпринимателям, представителям нового прогрессивного поколения украинцев — смехотворными (помимо прочего, солдаты украли у друзей камеры *GoPro*, пауэрбанки и нижнее белье). Один из четверки рассказал, как российский полицейский, узнав об их хобби, прокомментировал: «Уважаю я вас, вольнодумцев!». А в другой раз он видел, как молодой солдат читает «1984» Джорджа Оруэлла.

Даже спустя десятилетия после аварии в Чернобыле все еще опасно. Расплавленное топливо внутри разрушенного реактора остается в нестабильном состоянии. Бетонный саркофаг, защищающий окружающий мир от радиации, был рассчитан на 30 лет службы. Сейчас ему 35, и в некоторых местах пошли трещины и отколы. За состоянием саркофага постоянно наблюдают. По словам радиобиолога Елены Паренюк, которая работает в Чернобыле, есть вероятность, что постепенные изменения в элементном составе застывшего расплава могут привести к цепной реакции.

Есть и другие риски. Около 22 тысяч отработанных топливных стержней, накопившихся за время функционирования АЭС, до сих пор раскалены. Если их должным образом не охлаждать, они могут расплавить контейнеры и вызвать утечку радиации. Обычно стержни держат под водой, но сейчас запущен процесс по транспортировке в более безопасное место хранения — в гелии. Пока что перемещено лишь 12% стержней.

Еще одна опасность — радиоактивные отходы, которые, если можно так сказать, перерабатываются в Чернобыле. Это отходы не только с ЧАЭС, но и с четырех действующих атомных электростанций Украины. Большая часть хранится в металлических бочках, залитых бетоном. Если их попытаться перевезти, может произойти утечка, а содержимое бочек можно использовать для производства «грязной» бомбы.

Чернобыль обслуживают три высоковольтных линии электропередачи. Постоянное электроснабжение

необходимо, чтобы инженеры могли контролировать состояние ядерных отходов и охлаждать их. Если пропадет электричество, угроза утечки сильно возрастет. На вопрос, какая из потенциальных опасностей кажется ей наиболее серьезной, Паренюк пожала плечами: «Вы как будто спрашиваете, какому органу придется тяжелее, если перестать дышать».

9 марта на ЧАЭС отключилось электричество. Никто не знает, в чем была причина — в боевых действиях или саботаже. На станции есть резервные генераторы, но топлива в них хватает лишь на сутки. Российским солдатам украинцы сказали, что на 12 часов. «Если будет авария, виноваты будете вы», — предупредил Семенов их командира.

Бывший ликвидатор Валерий Тимофеев, добродушный мужчина 60 с лишним лет, дежурил вместе с четырьмя коллегами в отделе переработки жидких радиоактивных отходов. Они работали в здании без окон, смешивали радиоактивную воду с цементом и заваривали смесь в железные бочки. Самая опасная часть такой работы, по словам Тимофеева, это очистка бетономешалки.

В день вторжения партия из 16 бочек была готова к транспортировке. Когда отключилось электричество, встала вентиляция, которая охлаждала контейнеры. Три дня ушло на то, чтобы понять, как подключить ее к запасному генератору. В это время уровень радиации с большой вероятностью скакнул вверх — к сожалению, выяснить наверняка было невозможно: в течение четырех недель сотрудникам не удавалось заменить дозиметры, измеряющие радиационный фон.

Электриков послали чинить линию за пределы зоны отчуждения. Передвигаться там было непросто: хитросплетения украинских и русских блокпостов, периодические стычки. Между российскими солдатами и украинскими электриками возникали недопонимания: сначала электрики отказывались от военного конвоя, потом требовали сопровождения. Прибыв на место аварии, электрики никак не могли понять, один разрыв или несколько. К середине третьего дня им удалось восстановить подачу электроэнергии на два с половиной часа. Украинское телевидение успело сообщить, что на ЧАЭС снова есть электричество, но уже через 15 минут после этого оно опять пропало.

Оборонительная позиция российских войск на подъезде к Чернобыльской АЭС, 16 апреля 2022 года. Фото: Efrem Lukatsky / AP

Сотрудникам станции пришлось расставить приоритеты: отключили обогреватели и оборудование, не связанное с базовыми

потребностями ЧАЭС. Бригада Кутенко спала в пуховиках. «Нам не повезло, тогда было очень холодно, ночью доходило до минус восьми», — вспоминает он. Принять душ было непозволительной роскошью, все «были грязные и потные, потому что работали с утра до ночи».

Прожорливые генераторы требовали постоянной подпитки: каждые три часа днем и каждые пять — ночью. Российские солдаты привезли топливо, но заправочные пистолеты их бензовозов оказались слишком крупными для станционных генераторов, так что топливо пришлось переливать в 200-литровые бочки. «Мы перекачивали его вручную, чтобы самим хоть немного согреться», — говорит Кутенко.

У семей сотрудников ЧАЭС в Славутиче электричества тоже не было. Но Славутич — город инженеров, и местные жители довольно быстро расконсервировали старую заправку, чтобы подать отопление. К солнечным панелям на крыше музея подключили провода, чтобы люди могли заряжать телефоны и кое-как пользоваться интернетом. Жители Славутича рубили дрова и строили кирпичные мангалы у себя во дворах. «В этой войне все люди объединились, мы стали одной семьей», — говорит местный священник отец Иоанн.

Все цистерны с топливом, на котором жила станция, шли из частей российской армии, застрявших под Киевом. В конце концов терпение россиян кончилось. Генерал сказал Гейко, что Чернобыль съедает слишком много военного топлива и АЭС придется подключить к электросетям Беларуси. Гейко счел

такое развитие событий своим символическим поражением, но выхода не было — риски были слишком высоки. При этом он настоял, чтобы к сетям подключили не только ЧАЭС, но и Славутич.

***

Постепенно до дислоцированных на Чернобыльской АЭС солдат начали доходить слухи, что наступление на Киев захлебнулось. Некоторые пытались смотреть новости: они не понимали по-украински, но видели кадры сожженных танков и тела погибших сослуживцев. Некоторые вполголоса говорили: они понятия не имеют, что делают в Чернобыле.

По командиру было видно, что даже он сомневается. Однажды во время перекура Семенов увидел в небе российский бомбардировщик. Он показал небу кулак и крикнул: «Педерасты!». Стоявшие рядом солдаты спросили, почему он кричит. «Так они бомбить не конфетами и печеньями будут!» — ответил он. Позже российский офицер признался, что ему «эти педерасты тоже не нравятся».

После двух недель в Чернобыле солдат решили перебросить на юг, к Киеву. Ночью перед отбытием они сильно напились. Кто-то жаловался, что их посылают «на верную смерть». На АЭС прибыл новый гарнизон — остатки батальона морской пехоты, воевавшего под Киевом. Шины на их грузовиках были изорваны в клочья, и Семенов удивился, как они вообще добрались. Сразу по прибытии морпехи плашмя рухнули в траву, совершенно обессиленные. Один из командиров попросил Семенова, чтобы сотрудники не вступали с ними в перепалки —

они вернулись с боев, где потеряли слишком много сослуживцев.

К концу третьей недели оккупации Семенов пошел искать тайник со сладостями и наткнулся на пьяного офицера по фамилии Тихомиров. Увидев его, тот крутанул барабан револьвера, навел его на Семенова и нажал на спусковой крючок. Раздался щелчок, но выстрела не произошло. После этого начальник службы безопасности обходил офицера стороной, но теперь пересказывает эту историю со смехом. Его позабавило, что, во-первых, русский взаправду играл в русскую рулетку, а во-вторых, что фамилия героя — Тихомиров.

20 марта, спустя 25 дней после начала оккупации, россияне разрешили сделать пересменку большей части персонала АЭС. (Семенов оставался на своем посту: его заместители либо были в Чернигове, либо с маленькими детьми, либо в территориальной обороне.) «Я был так счастлив уехать», — вспоминает Кутенко. Мост через Днепр был разрушен, и сотрудникам станции пришлось переправляться на лодках. Некоторые лодочники, впрочем, отказались их перевозить — сочли это актом коллаборационизма.

Четверо хайлайнеров переправились в Славутич среди первых. Пока они ждали посадки на берегу Днепра, российский офицер начал читать проповедь о том, что раньше не было ни России, ни Украины, только единый СССР и что американцы всегда пытаются разжечь войну, а русские несут мир. «Он намародерил у Нацгвардии пикап *Ford,* — рассказывал Костя. — В тот момент, когда он произнес слово "мир",

прямо над ним пронесся огромный шквал ракет в сторону Чернигова».

Когда Кутенко добрался до Славутича, была почти полночь. Уличного освещения не было, в окнах домов не было света. За недели оккупации у Кутенко успела отрасти солидная борода, и младший сын его даже не узнал: «Он спрятался за мамой, как будто пришел кто-то чужой».

Российские войска подходили все ближе к Славутичу. 22 марта они объявили ультиматум: город должен был сдаться до 15:00 следующего дня. В первую неделю войны Юрий Фомичев, 46-летний мэр Славутича, сформировал отряд территориальной обороны: 50 полицейских усилили 150 волонтерами. «Примерно столько у нас было стволов», — вспоминает мэр. Но тяжелого вооружения в Славутиче не было — как и надежды на помощь ВСУ.

23 марта российские солдаты начали неуверенно продвигаться вперед и дали несколько залпов по дальнему блокпосту на дороге к Славутичу. На следующий день, по словам Фомичева, «началась реальная стрельба». Были разрушены два блокпоста, как минимум трое человек погибли. Самого Фомичева солдаты задержали, но вели себя с ним на удивление уважительно. Один из них даже попросил сделать с мэром селфи. «Руки у меня были связаны за спиной, он наставил на меня автомат, — вспоминает Фомичев. — Но, кажется, какой-то авторитет у меня был — мэр все-таки».

Пока одни солдаты допрашивали Фомичева, другие отсматривали снятые с дрона записи начинающейся

акции протеста жителей Славутича. Мэр предложил помочь урегулировать ситуацию. На улице собрались уже около пяти тысяч человек, среди которых были и хайлайнеры с ЧАЭС, так и не сумевшие покинуть город. Толпа развернула гигантский украинский флаг, скандируя: «Нет оккупантам!». Около 50 российских солдат выстроились перед танками и бронемашинами, разбрасывая гранаты со слезоточивым газом и стреляя в воздух в надежде распугать людей.

Отец Иоанн взял большой крест и присоединился к протестующим. Он только что причастился и, по его словам, «не боялся умереть». Священник подбежал к российским солдатам и стал кричать на них: «Снимайте крестики! Какой христианин идет на мирных людей с оружием?!».

В итоге Фомичев уговорил толпу отойти к главной площади. Эта уступчивость местных жителей, казалось, успокоила российских солдат. Прочесав город в поисках украинских военных, они согласились отойти к ближайшей заправке, где слили все топливо и разграбили киоск. На следующий день они уехали из города.

Когда новости о штурме Славутича дошли до Чернобыля, Семенов и Гейко пригрозили отказаться от сотрудничества с россиянами, если те не прекратят. Российский генерал раздраженно пытался отрицать, что войска в городе. Их отношения с Семеновым и до этого трудно было назвать теплыми, теперь же они испортились окончательно. Но начальник службы безопасности ЧАЭС ни о чем

не жалел: «Это был наш единственный способ как-то помочь Славутичу».

***

Столкнувшись с контратаками под Киевом, 31 марта российские войска начали отступление к границе с Беларусью. Уходя из Чернобыля, они забрали с собой украинских нацгвардейцев как военнопленных. Их техника подняла на дорогах зоны отчуждения радиоактивную пыль. Хайлайнеры вернулись домой, в Днепр. Последние российские солдаты покинули Чернобыль 2 апреля, и в тот же день над станцией вновь подняли украинский флаг. Семенов нашел еще один флаг, более старый и потрепанный, в подсобке; он постирал его, заштопал и повесил на входе в здание, где работал.

У хранителей Чернобыльской АЭС еще много сложных задач. Им предстоит с нуля восстановить систему контроля радиации на территории всей зоны отчуждения. Урон, который нанесло российское вторжение здешней хрупкой экосистеме, пока нельзя точно оценить. На дорогах уже замечают разорванные взрывами тела животных. Этим летом невозможно будет тушить лесные пожары: слишком велик риск наткнуться на оставленные мины.

Валерий Семенов на награждении работников Чернобыльской АЭС, 26 апреля 2022 года. Фото: president.gov.ua

После освобождения станции Валерий Семенов оставался на ЧАЭС еще неделю, чтобы проконтролировать смену персонала. На сделанной тогда фотографии он сам не свой: измученный, седой, с неряшливой бородой. Четыре дня спустя он жаловался, что у него проблемы с концентрацией и постоянные головные боли: «Я как будто проснулся от долгого и мучительного сна. Но эмоционально я все еще там. Как будто мне все еще нужно куда-то идти, что-то делать».

На вопрос о том, какой момент был самым тяжелым за тот месяц, Семенов ответил, что худшим было время после отступления россиян. На протяжении всей оккупации он носил медаль, выпущенную в 2018 году в память о 30-летии аварии. В Славутиче кто-то сорвал ее у него с груди со словами, что тот ее не заслужил. «Мне кажется, это было несправедливо, — говорит Семенов. — У него не было права».

26 апреля, в годовщину аварии на ЧАЭС, Семенов прислал фотографию, на ней он гордо держит уже другую награду, с желто-голубой ленточкой: президент Украины Владимир Зеленский наградил его медалью за отвагу, проявленную во время оккупации Чернобыльской электростанции российскими войсками.

Авторы: Уэнделл Стивенсон, при участии Марты Родионовой

Оригинал: “*The inside story of Chernobyl during the Russian occupation*”, *June 7, 2022*

Перевод: Э. Б.

© 2022, The Economist Newspaper Limited. All rights reserved. Published under licence. The original content, in English, can be found on www.economist.com